

П. Бунин

Иезуиты

П. Бунин

Иезуиты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7899622

Аннотация

История создания католической монашеской организации «Общество Иисуса», или, как ее называли, «ордена иезуитов» интересна и познавательна не только сама по себе. Утвердившись к середине XVI века во многих европейских государствах, в Индии, Китае, Японии «орден иезуитов» занимается менее всего промыслом божьим, он активно вмешивается в политическую жизнь государств: плетет интриги, устраивает дворцовые перевороты, устраняя неугодных монархов. Они сыграли свою зловещую роль в трагической судьбе Марии Стюарт.

Содержание

I. Дворянин из Лойолы	4
II. Товарищество Иисуса	18
III. Устав ордена	25
IV. Учение иезуитов	34
V. Иезуиты за работой	43
VI. Пороховой заговор	54
VII. Уничтожение ордена и новое его воскресение	62
VIII. Иезуиты в России	69

П. Бунин

Иезуиты

І. Дворянин из Лойолы

Среди горной лесистой области, называемой Гвинускоа, находящейся на севере Испании, среди многих других средневековых замков, были расположены два замка «Онъец» и «Лойола», принадлежавшие Бельтраму Лопец. Хотя Бельтрам и считал себя потомком бискайского графа Иньиго Лопец, чем очень гордился, но это нисколько не возвышало его в глазах соседей. Пустой карман кичливого потомка графа, постоянная нужда в деньгах говорили более красноречиво, чем похвальба своим происхождением.

Обремененный большой семьей, Бельтрам Лопец проживал большею частью в замке Лойола, находившемся между двумя маленькими городками Ауцетия и Асконтия. Семья его состояла из жены и двенадцати человек детей. При таком количестве ртов трудно приходилось Бельтраму.

Не удивительно, что он без особой радости ждал появления тринадцатого ребенка, к чему готовилась его жена. Это событие произошло в 1491 г. У Лопец родился мальчик, которого называли Иньиго т. е. Игнатий. Отец не предвидел, конечно, что его сын будет впоследствии знаменитым

основателем ордена иезуитов и постарался сбыть его с рук: мальчик был отдан на воспитание крестному отцу Иньиго, отставному королевскому казначею Хуану Веласко. Это обстоятельство впоследствии не помешало почитателям основателя ордена разукрасить его рождение легендами.

Впоследствии Иньиго Лойола, как его прозвали, любил себя называть «товарищем» Иисуса Христа. И досужие его биографы постарались и в фактах жизни Игнатия Лойолы найти черты сходства. Так они рассказывают, что мать Игнатия Лойолы, почувствовав приближение родов, отправилась в хлев и положила новорожденного в ясли: так была воспроизведена картина рождения Иисуса Христа.

Оказалось, что новорожденный младенец при рождении уже обладал необыкновенными свойствами. Когда у окружающих возник спор, как назвать младенца, то новорожденный, чтобы прекратить ненужные прения, так как он, очевидно, от Божественного Промысла уже получил название, вдруг к удивлению всех сказал: «Меня зовут Иньиго».

Окружающим осталось только согласиться.

Иньиго или, как мы его будем называть, Игнатий, прозванный Лойола, должен был переехать в городок Аревало, где на покое жил его крестный Веласко. Жизнь у старика Веласко тянулась нудно и однотонно. Да и воспитанник отставного казначея ничем не выделялся из толпы сверстников и не проявлял каких-либо дарований. Может он так бы и влачил свои дни в неизвестности, если бы старику Велас-

ко не удалось, благодаря сохранившимся связям, поместить мальчика пажом в свиту Фердинанда III. Жизнь мальчика сразу изменилась. Вместо затхлой, скучной атмосферы маленького городка – шумная придворная жизнь среди рыцарей, красивых женщин, богатства и знатности! Молодой Игнатий весь ушел в эту новую жизнь. Бредил военными подвигами, влюблялся в красивых женщин и пел им серенады, принимал самое деятельное участие в придворных кутежах. Прочитанные в большом количестве рыцарские романы только еще более вскружили голову. Здесь впервые стала сказываться его страстная натура.

Военная карьера молодого Лопеца началась под начальством герцога Антонио Менрик-Нахара. Герцог ценил Игнатия и покровительствовал ему.

С такой же страстью, с какой он увлекался придворной жизнью, Игнатий увлекался и военной деятельностью. Он проявил безудержную храбрость и отвагу и сразу выдвинулся из толпы сотоварищей.

Скоро удалось ему получить и ответственный пост. Умер Фердинанд III, и на престол вступил его внук, шестнадцатилетний Карлос I. Скоро умер и другой дед Карлоса, император германский Максимилиан I, и Карлос был объявлен императором под именем Карла V. Охваченный военным пылом, Карл V скоро начал войну с Францией. Испанские войска двинулись во владения французского короля и покорили Наварру. В этом походе принял участие и Игнатий Ло-

пец. Как способному офицеру ему была поручена цитадель в Помпелуне.

Скоро однако счастье изменило испанцам: французский полководец победоносно прошел по всей Наварре и осадил Помпелуну. Город должен был сдаться, но комендант цитадели ни за что не хотел сложить оружие. Несмотря на вдесятеро большие силы врага, он решил сопротивляться до последней возможности и не изменил своего намерения, несмотря на самые почетные условия, предлагавшиеся французами.

Неизвестно, долго ли продержался бы Лопец, если бы случайно во время приступа он не был ранен. Оторвавшийся от стены камень перешиб ногу Игнатия Лопец, и он упал без чувств. Солдаты воспользовались этим и отдались врагу.

Победитель отнесся к своему противнику с полным уважением, принял меры для оказания первоначальной помощи, а потом помог добраться до родного замка Лойолы. Так, после долгого отсутствия, Игнатий Лопец, может быть, впервые возвратился в родной дом.

Счастье войны скоро перешло опять на сторону испанцев: французы были прогнаны, и Наварра очищена от врагов. Но Игнатию Лопец более уже не пришлось принять участие в войне.

Это было в 1521 году, когда Игнатию было уже тридцать лет.

Лечение ноги Игнатия Лопец медленно подвигалось впе-

ред: нога плохо срасталась, и приглашенные хирурги не нашли ничего лучше, как вновь ее сломать. Ужасную операцию Игнатий Лопец перенес спокойно и мужественно. Рыцаря более всего беспокоило возможное уродство ноги, поэтому, когда оказалось, что благодаря неудачной операции из мяса выше колена высунулась какая-то косточка, он велел ее отпилить, несмотря на страшную боль, которую он чувствовал от этой операции.

Заботы Игнатия Лопец о том, чтобы не стать уродом, однако не увенчались успехом: одна нога его стала короче другой. Остроумные хирурги предложили ему исправить этот недостаток с помощью какой-то машины, которая должна была вытянуть укороченную ногу. Лопец согласился и на эти мучения, только бы избавиться от неприятного недостатка. Но напрасно трудились хирурги – Лопец остался уродом.

Долго пришлось проболеть храброму рыцарю: нога болела и не позволяла ему встать с постели. Было скучно без дела, его натура требовала деятельности. Пока поневоле приходилось заботиться только о том, чтобы хоть как-нибудь заполнить досуг. И Игнатий усиленно принялся за чтение книг. Читал он по-прежнему, главным образом, рыцарские романы. Но чья-то заботливая рука стала ему подкладывать наряду с романами жития святых, жизнеописание Христа и другие священные книги. Сначала Лопец не особенно охотно брал в руки эти книги, так далекие ему по духу, но скоро заинтересовался и, наконец, они стали любимым его чтением.

Целый новый мир открылся больному рыцарю и каким-то новым светом осветилась его прошлая жизнь. Образы страдальцев за веру Христову встали перед ним во всем величии, и таким ничтожным показалось то, чем он жил и о чем мечтал. Теперь книги духовного содержания стали любимым его чтением.

– Служить Христу и Пресвятой Деве – вот задача его жизни!

Так решил Лопец, когда получил возможность встать с постели. Но эту службу он понимал так, как понимал ее всякий рыцарь. Рыцарь должен избрать себе даму сердца и служить ей. Игнатий Лопец из Лойолы избирает дамой сердца Пресвятую Деву Марию и будет служить ей, как рыцарь!

И Лопец немедленно привел свое решение в исполнение.

Правда, он, собственно, не знал, что будет делать. Он был слишком невежественен, чтобы стать проповедником и будущая деятельность рисовалась ему неясно. Но он знал твердо одно: жить как прежде он не будет.

Рано утром, когда все еще спали, он надел свои рыцарские доспехи, сел на мула и покинул свой дом. Пока он решил направиться к Монтесerratскому монастырю. Этот монастырь славился чудотворной иконой Богородицы, поэтому его и избрал Игнатий Лопец.

На пути в монастырь, Лопец остановился у часовни, построенной в честь Богородицы. Здесь он решил по правилам рыцарского кодекса посвятить себя Богородице. Одевшись

в полные рыцарские доспехи, при наступлении ночи он встал на дежурство около часовни и так простоял всю ночь, читая молитвы и давая различные обеты «даме своего сердца».

Когда наступило утро, он прочитал последние молитвы, в качестве жертвы повесил свою шпагу на одну из колонн часовни, снял с себя дорогие доспехи и отдал их стоявшему недалеко нищему. Сам же в рубище отправился в монастырь.

Нельзя сказать, чтобы монахи приняли Игнатия Лопец особенно радушно. Бедный и оборванный странник совсем не был желанным гостем: он не мог сделать никакого вклада. После настойчивых просьб, наконец, монахи сжалились над Игнатием и приняли его.

Теперь трудно было бы узнать бывшего смелого офицера. Игнатий Лопец исключительно отдался молитве. С какой страстью он раньше предавался разгулу, с такою же теперь стал умерщвлять свою плоть. Он почти ничего не ел, ибо монашеский стол находил слишком роскошным. Под одеждой носил вериги. Спал на голой земле. Скоро монастырь ему стал казаться слишком шумным, отвлекающим от молитвы, и он стал искать уединения. Недалеко от монастыря в глухой местности оказалась пещера, которую Игнатий Лопец и избрал для себя в качестве жилья.

Изнурительный пост, молитва, постоянное уединение скоро довели отшельника до религиозного экстаза. Он стал думать, что находясь в постоянном общении с Богом, он может узнать великие тайны мира, которые ему одному откры-

ты. Его обязанность – учить людей. Правда, он невежественен, но это не может служить препятствием, ибо чтобы быть проповедником Божественного откровения, не нужно быть ученым человеком. Под влиянием такого настроения он написал книгу «Духовные упражнения», в которой впервые формулировал свои воззрения. Эта книга впоследствии стала настольной для всех иезуитов. Впрочем, и сам автор был неплохого о ней мнения: он скромно полагал, что «при даже Евангелие становится излишним».

Скоро у Игнатия Лопец явилась мысль посетить святую землю, а потом заняться проповедью среди сарацин-мусульман. С одобрения монастырской братии в 1523 г., захватив с собой свои «Духовные упражнения», Игнатий Лопец, пробираясь Христовым именем, отправился в далекое путешествие.

В 1523 году мы видим Игнатия уже в Риме, куда он прибыл в вербное воскресенье. Он удостоился даже получить вместе с другими богомольцами благословение папы Адриана VI. Пробираясь далее, он, наконец, достиг Венеции, где счастье ему улыбнулось. Игнатием заинтересовался один знатный испанец, герцог Андреа Гритти, который устроил ему бесплатный проезд.

Первого сентября Лойола был уже в Палестине, а четвертого прибыл в Иерусалим. Однако здесь Лойола ждало разочарование. Он слишком упрощенно представлял себе задачу миссионера и думал, что благодаря пламенному красно-

речию ему не трудно будет обратить турок в христианство. Но тотчас обнаружилось полное невежество Лойолы, и по совету провинциала Францисканского ордена он решил вернуться обратно в Европу и оставить свою затею.

Неудача однако не ослабила энергии Лойолы. Для него не существовало препятствий. «Необходимо учиться? Буду учиться,» – решил он. И вот мы видим его в Барселоне в школе одного из лучших учителей. Правда, было странно видеть среди мальчиков 33-летнего Лойолу, но его это не смущало, и он стал усердно изучать латынь.

Два года он занимался. Трудно ему давалась наука, но все же благодаря необычайной энергии он подвигался вперед. В 1526 году Игнатий переселился в Алкалу и поступил в университет: он решил, что познаний его в латыни достаточно и что пора ему заняться философией и богословием.

Но занимаясь науками, он не упускал главной цели – борьбы с неверием. С этой целью он задумал устроить братство таких же, как и он, ревностных приверженцев церкви. Его пламенная проповедь имела успех, и около него стали собираться приверженцы. Это были три студента университета. Почти ежедневно можно было на улицах видеть людей, одетых в длинные, серые, из грубой материи, кафтаны, опоясанные веревкой. Они ходили босиком или в сандалиях, на голове носили шляпы конусообразной формы. Сначала было странно смотреть на этих людей, многие над ними сме-

ялись. Но страстная проповедь скоро стала привлекать многих слушателей, среди которых стали появляться почитатели. В особенности сильное впечатление производили проповедники на женщин.

Две знатные дамы так были увлечены проповедями Лойолы, что решили раздать свое имущество, стать нищими и отправиться проповедывать. Их бегство из города всполошило власти, и в результате Игнатий Лойола оставил Алкалу и переселился в другой университетский город, в Саламанку. Но здесь он пробыл недолго и скоро перебрался в Париж.

Игнатию Лойоле было 37 лет, когда он явился в парижский университет, чтобы подвергнуться экзамену.

Но парижские профессора признали, что Лойола не имеет элементарных знаний для поступления в университет и отказали ему в приеме. Пришлось поступить в коллегияу Монтэрю. Полтора года пробыл он здесь, а потом для изучения философии перешел в коллегияу св. Варвары. После многих трудов он, наконец, в 1532 году добился звания бакалавра, а в следующем магистра.

Париж в то время был центром умственной жизни Западной Европы. Здесь более чем где-либо чувствовался тот подъем мысли, который характерен для эпохи реформации. Вера в старые догматы упала, пытливый ум не мирился с оковами, которые ему ставила католическая церковь. На почве новых исканий начинали складываться и новые верования. Лютер, Цвингли и другие представители новой жизни смело

обличали папство и расшатывали старые устои.

И новая проповедь имела успех: ряды сторонников папства редели, и авторитету римского первосвященника наносились страшные удары. Мысль всякого искренне верующего католика не могла не прийти в смущение, и многие задумывались, что делать, чтобы предотвратить распад церкви.

Много думал над этим и бывший рыцарь. Болела его душа при виде, как растет число врагов католической церкви.

– Что делать, как бороться? – думал он среди бессонных ночей.

Скоро Лойола нашел ответ. Этот ответ был – организация духовного общества, целью которого была бы защита католической церкви и папы. Но Лойола далек был от мысли основать монастырь. Тихая монастырская жизнь его не пленяла. Он хотел создать боевую организацию, армию воинов Христовых, которые бы беспощадно боролись против всякого еретичества, всякого свободомыслия. Это должна быть не армия монахов, а армия солдат, тесно связанных дисциплиной и сильных своим единодушием, «духовное войско, сражающееся за славу Божию под знаменем креста Господня».

Эти еще пока не совсем ясные мысли Лойола стал развивать среди друзей и скоро нашел последователей.

Первым из последователей Лойолы оказался Петр Фабер. Это был ученый впечатлительный юноша, склонный к религиозной экзальтации. Планы Лойолы произвели на него по-

трясающее впечатление, и он стал одним из деятельных помощников Лойолы. Другой был профессор коллегии в Бове. Как человеку знатного происхождения, ему открывалась широкая дорога. Но он предпочел идти за Лойолой. Впоследствии рассказывали, что обращение Ксавье произошло благодаря необыкновенной способности Лойолы влиять на людей. Рассказывают про это обращение следующее.

Лойола был у Ксавье в гостях, и тот предложил сыграть партию в бильярд. Лойола не особенно любил эту игру и сначала отказывался, однако, настоянию Ксавье, согласился, но при условии, что проигравший в течение месяца будет повиноваться выигравшему. Ксавье согласился. Он был уверен в победе, ибо считался одним из лучших игроков. Но оказалось, что Лойола выиграл партию, и Ксавье пришлось подчиниться на месяц во всем Лойоле. Лойола тотчас стал проходить с ним свой курс «духовных упражнений» и, в результате, довел его до такого религиозного экстаза, что Ксавье бросил свою науку и стал преданнейшим учеником Лойолы. Трудно сказать, сколько правды в этом рассказе, ибо он идет от иезуитов, но, во всяком случае, он указывает на то влияние, которое в глазах учеников Лойола имел на людей. Переход профессора Ксавье на сторону Лойолы произвел сильное впечатление на общество и приток поклонников Лойолы усилился. Но будущий основатель ордена иезуитов выбирал себе помощников с большой осмотрительностью. Поэтому еще он выбрал только четырех: Якова

Лайнеса, молодого человека 21 года, Альфонса Салвероона, из Толедо, Николая Альфонса, по прозвищу Бобадилья и, наконец, Симона Родригеса. Нельзя не признаться, что выбор Лойолы был весьма удачен: все его сподвижники оказались людьми талантливыми, преданными делу. Это были первые иезуиты.

Составившееся товарищество не было тесным замкнутым обществом. Жили они каждый на своих квартирах, собирались вместе для молитвы и для беседы. Но зато каждый из братьев поддерживал друг друга. В обществе мало замечали их деятельность и только оригинальный костюм, который придумал Лойола бросался в глаза. Члены нового общества носили длинный черный узкий кафтан до пят, черные кожаные башмаки и на голове черную шляпу с широкими полями.

Это было необычно, бросалось в глаза и привлекало к себе внимание.

Скоро Лойола пожелал связать своих друзей клятвой верности принципам нового общества. С этой целью 15 августа в день Успенья Богородицы он пригласил их отправиться в предместье Сен-Жан, где они спустились в подземную часовню св. Марии Монмартрской. Было мрачно и сыро в этой часовне, приютившейся в подземелье, вдали от большого шумного города. Чуть мерцали свечи, кругом был таинственный полумрак. Часовня была заброшенная, бедная, без всяких украшений, и эта простота и бедность убранства

производили еще большее впечатление. Члены нового общества тихо вошли в часовню, перед алтарем пали на колени и долго молились; Потом Пьер Лефевр, только что перед этим посвященный в священнический сан, прочитал торжественную мессу и всех причастил.

После причастья Лойола встал перед алтарем, положил руку на евангелие и произнес клятву. Он клялся быть верным католической церкви и папе, бороться до конца жизни с их врагами. В звенящих звуках его голоса, в пылавших глубокой страстью глазах, окружающие почувствовали глубокую фанатическую уверенность в своей правоте и один за другим также вслед за Лойолой стали произносить клятвы.

После этого до ночи они оставались в часовне и молились, и когда уже стало совсем темно, покинули часовню.

Уходя Лойола написал на алтаре три буквы «I.H.S.»

Когда спутники Лойолы с недоумением спросили его, что эти буквы обозначают, то Лойола многозначительно ответил им: – эти слова значат *Iesus hominum Salvator*. (Иисус – Спаситель людей).

Эти слова стали впоследствии девизом организованного Лойолой общества.

II. Товарищество Иисуса

Время, когда на папском престоле восседал Павел III, было одним из тяжелых для католической церкви. Приходилось бороться не только с врагами церкви, находящимися вне ее, но и с тем распадом, который замечался внутри. Безнравственное господство папы создало такое положение, которое и сами католические богословы считали ужасным. Вот как характеризует положение католической церкви в то время известный Беллармин: «За несколько лет до возникновения лютеранской и кальвинистской ереси, церковные судилища утратили свою прежнюю строгость, чистота нравов исчезла. Св. Писание было забыто и люди утратили уважение к церкви; словом светоч религии угас». Действительно, кругом царил страшный разврат и распущенность нравов. И в особенности это чувствовалось в Риме. Куртизанки всех стран съезжались сюда и чувствовали себя здесь прекрасно. Всюду в театрах, на всех празднествах они появлялись в роскошных костюмах и занимали первые ряды. Всякий более или менее состоятельный римлянин стремился иметь содержанку, ибо это становилось модой. Лютер был в значительной мере прав, когда назвал резиденцию папы «вавилонской блудницей».

Что было особенно плохо и наводило на тревожные размышления, так это то, что в этих устраивавшихся в Ри-

ме оргиях, принимало самое деятельное участие духовенство и монахи. В конце концов, папа должен был образовать комиссию для выработки мер борьбы с распущенностью духовенства. В эту комиссию вошли: кардиналы Караффа, Копторини, Садомит и Поль и, кроме того, несколько архиепископов и епископов. Комиссия после всестороннего исследования вопроса представила доклад, в котором указала на необходимость следующих реформ. Требовалось: суровая цензура над позорным поведением монахов; старательное истребление предрассудков, поддерживаемых и усиливаемых монастырями; обязательное прекращение торговли церковными должностями, развращающее весь причт Симонии; освобождение духовенства от обетов безбрачия, так как внебрачное сожительство сделалось вполне обыденным явлением и зачастую видели епископов, у которых отец и дед, а иногда и мать, и бабка оказывались прелатами и князьями церкви; запрещение торгашеского произвола при продаже отпустительных грамот или индульгенций; назначения священникам и капелланам определенного жалования для уничтожения их алчного лихоимства и мздоимства и т. д. Павел пришел в ужас от того, что установила комиссия. Но вместе с тем предложенные реформы ему казались очень широкими, и он боялся на них согласиться.

Неудивительно, что при таких условиях реформация находила вполне подготовленную почву в самых разнообразных слоях населения. Нравственный авторитет католиче-

ской церкви был подорван, и сам папа Павел III сознавал безотрадность того положения, что инквизиция – единственно твердая опора папства в Италии.

В это трудное для католической церкви время в Риме появился Лойола с товарищами.

Появление странных людей в черных кафтанах и широких шляпах скоро обратную на себя внимание общества. А когда эти люди принялись за деятельную проповедь, стали ходить по госпиталям, больницам, спускались в самые низы общества и всюду несли слово Божие, то о них уже стали говорить.

В 1539 г. «боевая дружина» Лойолы собралась в д. гидальго Гарцонии для обсуждения дальнейших своих действий. К этому времени мысль отправиться в Палестину была оставлена, ибо Лойола правильно указывал, что для их деятельности слишком широкое поприще в Европе и незачем ехать в чужие страны. В этом собрании Лойола предложил завершить дело организации их товарищества, так успешно начатое. Задачи нового общества на этом собрании Лойола формулировал так:

– Небо закрыло нам путь в землю обетованную с той целью, чтобы отдать нам весь мир. Немного нас для такого дела, но мы умножаемся и начинаем формировать батальон. Однако никогда отдельные члены не окрепнут в достаточной мере, если между ними не будет общей связи; поэтому нам необходимо создать устав для семьи, собранной здесь во имя Бога и дать не только жизнь новоучреждаемому обществу,

но и вечность. Помолимся же вместе, а также и каждый отдельно, чтобы воля Господня исполнилась!

Было несколько заседаний, посвященных вопросу об организации общества и выработки устава. На одном из последних таких заседаний, когда дело близилось к концу, Лойола воскликнул:

– Мы, рыцари, призваны самим Богом, чтобы духовно покорить весь мир; поэтому вполне необходимо, чтобы наше товарищество образовало боевую дружину, способную просуществовать до конца мира. Сомневаться в вечности мы не имеем права, потому что она формально обещана нам Господом Богом и Иисусом Христом.

Единогласно было решено выработать устав и принудить папу признать новый орден.

– Но как же назвать наше общество? – раздались голоса.

– Если вы мне доверяете, – ответил Лойола, – то мы назовем наше общество товариществом Иисуса. Это название выше других, и оно внушено мне двукратно свыше: в моем манреском убежище и в последнем видении близ Рима, когда Предвечный Отец сделал меня товарищем Своего Сына. Поэтому, дорогие братья, не ищите другого названия.

Так организовалось общество Иисуса.

Скоро проект устава ордена был представлен на утверждение папы. В этом проекте, кроме обычных трех обетов, которые содержатся в уставе всех орденов, был введен обет четвертый: «посвятить свою жизнь постоянному служению

Христу и папе, исполнять военную службу под знаменем креста, служить только Иисусу и римскому первосвященнику, как его земному наместнику, таким образом, только настоящий папа и его преемники будут повелевать орденом в делах спасения души и распространения веры, и в какие бы страны он для этого ни посылал, они без малейшего замедления и без всякие отговорок, насколько только позволяют их силы, обязаны немедленно исполнять».

Прочитав устав нового общества, папа Павел III воскликнул:

– Здесь виден перст Божий!

Действительно, папа получал в лице общества могучего помощника. Но утверждение устава натолкнулось на неожиданные препятствия. Папа не решился все-таки на свой риск и страх утвердить новое общество и отдал проект на просмотр кардиналу Гвидиччиони. Кардинал, однако, не только не одобрил проект, но даже отказался читать его, мотивируя свое отрицательное отношение тем, что постановлениями лютеранского и лионского соборов было воспрещено учреждение новых орденов. Однако оппозиция Гвидиччиони была непродолжительна. Неизвестно, каким путем было оказано давление на кардинала, но, к удивлению многих, он скоро не только прочел проект устава, но и одобрил его. А за ним одобрили проект и другие два кардинала, бывшие в комиссии. 27 сентября 1540 г. была издана булла, которой учреждалось «товарищество Иисуса» или «орден иезуи-

тов». В этой булле говорилось: «Товарищество или общество Иисуса состоит из тех, которые во имя Бога желают быть вооруженными под знаменем креста и служить единому Господу и первосвященнику римскому, его викарию на земле. Принятые в общество должны дать обет целомудрия, бедности, послушания генералу ордена и повиновения правящему церковью папе. Генерал ордена неограничен в своей власти, но он обязан составить конституцию или устав общества с согласия большинства сочленов, в управлении же делами товарищества ему предоставляется полная свобода. Число членов товарищества не должно превышать шестидесяти».

С этого дня орден иезуитов получил официальное признание. Первым генералом ордена был единогласно избран, конечно, Игнатий Лойола. Это было в 1541 году. Путь подготовительных работ был пройден, давно лелеянная в мечтах организация, наконец, создана, теперь оставалось только действовать. Скоро мир стал свидетелем того, что может сделать небольшая, но энергичная, фанатически преданная идее, кучка людей. Разлагавшаяся католическая церковь неожиданно получила в лице иезуитов такую сильную поддержку, что смогла, несмотря на всю тяжесть положения, вынести удары, которыми награждали ее противники. Пятидесятилетний Лойола был неутомимым, его энергия, казалось, не знала предела. Он немедленно каждому из своих товарищей назначил место и круг деятельности. Так, Родигес был послан в Португалию, Ксавье в Индию, Бруэ и другие в Ан-

глию, Шотландию и Ирландию; Бобадилля и Лефевра в Германию, Кодюра и пятнадцать других членов во Францию, Лаинес и Сальмерон были отправлены в качестве папских легатов в Тридент на собор. Сам же Лойола остался в Риме, чтобы из центра католического мира руководить своей пасторской деятельностью. Началась энергичная деятельность во всех частях света.

На первых же шагах своей деятельности орден был обласкан папой и получил небывалые привилегии.

Новому ордену были отданы церкви «Делла Страта» и «св. Андрея». Возводились роскошные здания, как-то: «Розовый приют для девиц, целомудрию которых угрожает опасность», «Приют для падших женщин», «Сиротский дом для сирот обоего пола».

Скоро умер папа Павел III, и на престол вступил Юлий III, который так же, как и Павел покровительствовал ордену. Но когда на престол вступил недруг Лойолы, кардинал Караффа под именем Павла IV, то положение ордена сразу изменилось. Новый папа относился к ордену холодно. Эта перемена сильно подействовала на Лойолу, он стал хиреть и, наконец, 31 июля 1556 г. умер на руках своего секретаря, не назначив себе преемника.

Претендентами на звание генерала явились трое: Паланка, Бобадилья и Лайнес. Последний оказался энергичнее и хитрее других и был избран в генералы.

III. Устав ордена

«Личность Лойолы производит странное впечатление на людей нашего времени: он принадлежит миру, идеи и чувства которого мы понимаем лишь с трудом. Мы не можем сочувствовать его узким религиозным верованиям, его дикому фанатизму; его фантастическому мистицизму и болезненной мечтательности, указывающим патологическое состояние его души; но тем не менее, изучая его жизнь и созданное им дело, мы невольно признаем его человеком необыкновенным. Одаренный железной волей, необыкновенным упорством в преследовании намеченной цели и невероятную выносливостью в страданиях, Лойола был смел до дерзости в своих предприятиях. Вера в его собственное призвание никогда не колебалась, душа его была чужда всяких сомнений в том деле, которому он служил. Рядом с пламенным воображением, с сентиментальной набожностью и сильной склонностью к суеверию, в нем уживался пронизательный ум и необыкновенная способность угадывать истинный характер людей». Так характеризует Лойолу один из историков ордена иезуитов Ж. Рубер. К этой характеристике следует только добавить, что несмотря на свой религиозный энтузиазм Лойола до конца остался боевым солдатом, каким он был в молодости, и эту черту характера перенес на свою организацию.

Лойола хотел сделать, из своего братства «духовное войско», сражающееся за славу Божию под знаменем креста Господня. Это войско должно быть связано строгой дисциплиной, и объединено одним общим руководством. Сами иезуиты постоянно указывали на этот воинственный дух своей армии, а Лойолу сравнивали с полководцами. Обозревая первый период деятельности ордена, историк его Орландина с увлечением прославляет «львиную храбрость и высокомерное презрение к смерти», свойственное членам ордена. «Есть легенды, – говорит он, – гласящие, что некоторые дети рождаются с каской па голове – таковы члены иезуитского ордена, потому что судьба предназначила их для неустрашимой борьбы с непобедимыми силами и со всеми превратностями судьбы».

Этой характеристике вполне соответствует и организация иезуитов. Это меньше всего монастырь.

Иезуит, как солдат папской армии, должен быть всегда готов идти туда, куда скажут. У него не должно быть никаких привязанностей, даже к месту. «Наши дома, – говорит иезуит Хуарес, – похожи на военные лагеря». Неудивительно, что иезуиты были далеки и от всякого аскетизма, ибо для войны нужно сильное тело, неутомительность, энергия. «Вы должны проникнуться мыслью, – писал по этому поводу Лойола, – что душа и тело созданы одним и тем же Богом; он потребует у нас отчет за обе части нашего существования, а потому мы не должны ослаблять из любви к Богу од-

ну из частей этого существа. Мы должны лелеять тело настолько, насколько оно является слугой души. Покорность тела дает душе возможность служить Богу и прославлять Его. Вместо того, чтобы бичевать себя до крови, вознесите сердце ваше к Вседержителю Вселенной, оплакивайте грехи свои и чужие, созерцайте неисповедимые Тайны Господа Нашего Иисуса Христа в настоящей и будущей жизни, любите три ипостаси Божества; ваши слезы будут тем драгоценнее, чем возвышеннее будут мысли, исторгнувшие их из ваших очей».

Иезуиты – не монашеский орден, они не носят монашеской одежды, не имеют хора, и их общежития не называются монастырями. Соединяя в себе все черты, присущие монашеским орденам, они ставят себе еще одну цель, характерную только для них: защищать светские и духовные притязания римской курии. Эта черта вносит в деятельность ордена наряду с религиозным и чисто политический элемент.

Организация ордена носит монархический и военный характер. В основе лежит строгая дисциплина построенная на последовательно проведенном принципе послушания. Устав ордена не признает за отдельной личностью никаких прав на самостоятельность. Все оригинальное, самостоятельное должно быть стерто, уничтожено. Член ордена должен вполне слушаться своего начальства, он не должен иметь ни своих мыслей, ни желаний.

«Пусть другие религиозные братства, – пишет Лойола, –

превосходят нас постом и молитвой, строгостью одежды и пищи; наши братья должны блистать истинным безусловным послушанием, отречением от всякой воли и собственного суждения». Но было бы неправильно думать, что устав ордена требует только простой исполнительности. Идеальный последователь Лойолы должен не только отождествляться с желанием своего начальника: он должен отождествляться с его мыслями и считать истинным и справедливым все, что начальник думает и приказывает. «Если ты откажешься подчинить твой разум и волю, – говорит Альфонс Родригес, – то твое послушание не имеет значения жертвы; оно далеко от совершенства, потому что ты не хочешь принести Богу в жертву самую благородную часть твоего существа – разум».

Так создается та крепкая дисциплина, которая отличает орден иезуитов.

Во главе ордена стоит генерал. Ему принадлежит громадная власть. Эта власть пожизненна. Он управляет всем орденом иезуитов, и все ему обязаны повиноваться. От него зависит принять в орден кого-либо или исключить из него. Он по своему усмотрению сменяет должностных лиц. На смертном одре он назначает викария, который управляет делами общества до избрания нового. Все местные власти ордена обязаны ему давать возможно чаще отчеты и во всяком случае извещать его о всем важном, что происходит в данном округе. Таким образом генерал всегда в курсе всех

дел и обо всем осведомлен. От генерала требуются самые высокие качества. Он должен быть набожен, добродетелен, проникнутъся смирением и человеколюбием, должен вести вполне безупречную жизнь и побороть в себе великие страсти. Таков идеал. Действительность, конечно, никогда не отвечала этому идеалу.

По уставу ордена генерал должен жить постоянно в Риме. Около него всегда находятся его «ассистенты». Их четверо, они назначаются из представителей различных наций и составляют тайный совет генерала. Этот же совет собирает конгрегацию ордена после смерти генерала для выбора нового. Ему же предоставлено право смещать самого генерала. Это право, однако, ограничено определенными случаями, указанными в уставе. Кроме «ассистентов», около генерала находится еще «монитор», который обязан постоянно наблюдать за генералом и предупреждать его от ошибок.

Новые члены принимались в орден только лишь после строгого искуса. Принимаемого подвергали строгому допросу о его жизни, подробно знакомились с чертами его характера, способностями и дарованиями.

Ценились иезуитами в особенности физическая красота и дар красноречия. Принимались в орден, начиная с 14 лет. Впрочем, генералу было предоставлено право принимать и более молодых лиц.

Новые члены могли по своему усмотрению быть или светскими или духовными членами ордена. Лица, желающие

быть духовными членами ордена, становятся сначала послушниками. Они должны совершенно отрешиться от прошлого, забыть родных и близких. Искус продолжается несколько лет.

Те, кто посвящает себя светской деятельности – назначаются на светские должности. Они произносят три обета: послушания, бедности, и целомудрия. Лица, посвятившие себя духовной деятельности, кроме трех обетов, произносят четвертый – жить по уставу ордена.

Ядро общества составляют исповедники, произнесшие четыре обета. Четвертый обет представляет безусловное слепое повиновение папе. Число исповедников четырех обетов немного, приблизительно два на сто иезуитов. Когда умер Лойола, таких исповедников было только 35 человек. Это люди, уже достигшие зрелого возраста, не менее 45 лет. Прежде чем дать четвертый обет, они должны пройти строгий искус и заявить себя преданными убежденными деятелями ордена.

Исповедники четырех обетов живут обыкновенно в особых домах. Им предписывается безусловная бедность и нестяжательность. Но понятие бедности в устах иезуитов понятие относительное. По учению Лойолы, человек должен превратиться в статую, которую можно свободно раздевать и одевать и которой безразлично – одета она или нет. Иезуит четырех обетов не должен иметь привязанности к вещам, но если нужно, он может быть хорошо и изысканно одет. Та-

кое понимание бедности открывало широкий простор к злоупотреблениям.

Наряду с безусловным послушанием, характерной чертой ордена является шпионство, возведенное в систему. На каждого члена общества возложена безусловная обязанность доносить о всем, что он заметит относительно своих товарищей. Члены ордена были поставлены в условия, при которых они не могли не доносить. Если один из иезуитов, зная проступок другого, скроет его и не донесет начальству, то все равно тот, на которого он не донес, донесет на него и обвинит именно в том, что он укрывает проступки товарищей. В результате, нет ни одного иезуита, на которого бы не было доносов с обвинением его в самых ужасных деяниях. «Если бы кто-нибудь порылся в римских архивах, – говорит иезуит Марианна, – то вынес бы заключение, что нет ни одного честного иезуита, по крайней мере, между живущими далеко от Рима и не известными генералу лично: все запятнаны доносами».

Вся жизнь иезуита известна его начальству. Над его духовной жизнью строгий контроль. Письма доходят, только пройдя цензуру старших иезуитов. Нельзя ни читать, ни приобретать книг без разрешения. Все до мельчайших подробностей предусмотрено уставом. Одежда должна быть всегда прилична, скромна и соответствовать обычаям той страны, где иезуиты живут. Обычная одежда иезуита такова: черный длинный сюртук, длинное черное пальто с широкими

рукавами. На голове можно было носить застегнутую сутану с низкой шляпой или четырехугольным беретом. Вообще по внешнему виду иезуит совсем не походил на монаха, а скорее напоминал ученого или протестантского пастора.

Иезуит должен был вставать по звонку, убирать свою постель и комнату. Уходя, он должен всегда оставлять комнату открытой, ибо начальник всегда может войти и осмотреть его вещи. Нельзя выходить из дома до восхода солнца и приходиться после захода.

На улице иезуит должен вести себя скромно, вид его должен быть всегда приветлив и ласков. Он не должен морщить лоб и нос. Беседуя с высокопоставленным лицом, он должен скромно потуплять глаза. Вообще он должен больше смотреть вниз, чтобы не выдавать глазами своих мыслей. Инструкция подробно указывает, как иезуит должен ходить, держать голову, говорить, даже звонить в крыльцо у лиц различного общественного положения.

Обязанный доносить начальству обо всем, что ему известно относительно товарищей, по отношению к посторонним людям иезуит должен хранить тайну. Он не имеет права рассказывать об интимных делах ордена кому-либо. Все что делается в ордене, должно быть скрыто. Вот почему о внутренней жизни иезуитов так мало известно в обществе.

Иезуитский орден – это стройная, скованная дисциплиной организация, вдохновляемая одной общей идеей. Неудивительно, что скоро этот орден стал играть руководящую

роль не только в религиозной жизни католической Европы, но оказывать громадное влияние и на политику. Папы поняли значение иезуитов и наделили орден необычными привилегиями, перечисление которых составляет отдельную книжку. Наделенные этими привилегиями, иезуиты смело ринулись в бой и скоро заставили заговорить о себе весь мир.

IV. Учение иезуитов

Как мы видели, орден иезуитов возник на почве борьбы католической церкви с реформацией. Основной задачей его основателя было защищать папство и его привилегии от всяких посягательств. Как бы ни относиться к католической реакции, нельзя не признать, что первоначальные цели основателей ордена были чисты. Это были действительно религиозные люди, они действовали исключительно «для вящей славы Божией». Вначале у них было на первом плане духовное оружие: проповедь и воспитание юношества. Но скоро, ввиду успехов ордена, к «товариществу Христа» стали присоединяться люди, которые «вящую славу Божию» стали понимать довольно своеобразно. Успех ордена вскружил головы. Богатства, притекавшие от почитателей, стали служить большим соблазном, и разгоревшиеся страсти привели к тому, что члены ордена перестали разбираться в средствах борьбы.

Уклоняясь от фактического участия в инквизиционных судилищах, члены ордена, однако, скоро стали идейными вдохновителями самых жестоких мер против еретиков. «Еретик, – говорит иезуит Экскобар, – будет отлучен от церкви, брак его будет расторгнут, его поместья, хотя бы майоратные, будут конфискованы; у него будут отняты все гражданские права, а в случае упорства он будет предан смертной казни. Дети еретиков будут также подвергаемы на-

казаниям, за исключением тех случаев, если они донесут на своих родителей. Инквизиторы не должны содержать детей еретика на доходы с его конфискованного имущества».

Инквизиция, с точки зрения иезуитов – «высшая форма общественного совершенства». В борьбе с еретиками допустимы всякие средства. В этом отношении для иезуитов был особенно удобен провозглашенный ими принцип, что «цель оправдывает средства». А так как цель ордена – слава Божия, то нет тех средств, которые бы не были оправданы этой целью. Прилагая этот принцип к жизни, иезуиты последовательно дошли до оправдания деяний безнравственных и даже преступных.

Стремясь упрочить свое влияние на общество и вращаясь среди самых разнообразных его слоев, они выработали тактику приспособления к различным вкусам и потребностям людей, с которыми они сталкивались. Хорошо понимая, что суровой проповедью аскетизма не привлечешь к себе сердца, они создали очень удобную мораль, которая была приемлема для всех, ибо никого не стесняла.

Мы приведем несколько рассуждений иезуитов относительно различных вопросов нравственной жизни, для того, чтобы показать, каким оружием члены ордена завоевывали сердца людей. Вот несколько рассуждений о разврате и браке. «Кто заводит связь, – говорит о. Франц Ксаверий Фегели (соч. „Практические вопросы об обязанностях духовника“. Аугсбург. 1750 г.), – с молодой девицей, с добровольно-

го согласия ее, тот не совершает этим греха, потому что она властна распоряжаться собой и любить, кого хочет». К этому другой иезуит Мулле, в своем «Компендиуме нравственности» прибавляет: «Кто овладел девицей насилем, угрозой или хитростью, тот обязан вознаградить ее и ее родственников за вред, который от этого произошел; он обязан дать ей приданое, чтобы она нашла себе мужа или сам жениться на ней, если не может вознаградить иначе. Однако, если дело осталось совершенно тайным, то он, по совести не обязан вознаградить ее». О. Этьен Бони вообще о разврате говорит так: «Все м людям позволительно посещать развратные дома для обращения на истинный путь женщин, хотя весьма вероятно, что пришедший туда согрешит, ибо трудно воздержаться от соблазна. Но это будет только „fornificatio“, а не „Sturpum“. „Sturpum“ было бы в том случае, если бы было совершено насилие над девицей против ее воли, „fornificatio“ же основано на обоюдном согласии и не составляет для женщины обиды». Нельзя не сознаться, что эта точка зрения очень удобна для иезуитских проповедников, всегда любивших проповедывать в домах разврата.

Потакая разврату, они должны были оправдывать и тех, кто служит этому. Изобретательный о. Кастро Паоло учит в своем сочинении. «Слуга, принужденный для снискания пропитания служить развратному господину, может оказывать ему содействие в самых тяжких проступках. Так, например, он может доставлять ему наложниц, водить его в дур-

ные места и прочее; во всем этом роль его безгрешна. Если например, господин его полезет в окно в спальню к женщине, то слуга может подсаживать его или держать ему лестницу, потому что оказывать помощь человеку влезаящему само по себе совершенно безгрешно».

Любопытны рассуждения иезуитов и о том, нравственно ли брать деньги за проституцию. На эту тему пишет о. Гордон (общее нравственное богословие, т. II кн. V). «Публичная женщина, – философствует этот проповедник нравственности, – вправе требовать платы, но не слишком высокой. Это относится и к девицам, тайно занимающимся проституцией. Но замужняя женщина не вправе получать плату, потому что доход с ее проституции не входит в условия брачного контракта!» Впрочем, по этому вопросу у святых отцов разномыслие, по крайней мере, знаменитый о. Эскобар держится иного мнения: «Плата, получаемая замужней женщиной за нарушение супружеской верности, – говорит он, – составляет ее законное приобретение; но она обязана позволить мужу также пользоваться этим доходом».

Но рекорд бесстыдства побил, кажется, о. Том-бурино. Он отвечает на следующий вопрос: по какой цене следует женщине продавать доставляемое ею удовольствие? На это он дает такой глубокомысленный ответ: «Это зависит от многих условий, как то: от рождения, красоты и состояния женщины; например, женщина, пользующаяся общим уважением, стоит дороже той, которая доступна первому

встречному. Стало быть, прежде всего дело в том, о ком идет речь – о публичной женщине или об уважаемой. Публичная женщина не должна брать с одного больше, чем с другого. Она должна назначить себе таксу, и тогда это будет соглашение между ею и её посетителем. Посетитель дает ей деньги, а она ему свое тело, как трактирщик – вино. Но приличная и уважаемая женщина может требовать, сколько вздумает, потому что при отсутствии определенной таксы продавец волен просить за товар, сколько хочет. Стало быть, такая женщина, как невинная девушка, может запрашивать за свою честь, сколько угодно, и никто не может упрекнуть ее в лихоимстве».

Не менее остроумно рассуждают отцы-иезуиты и о воровстве. «Позволительно ли в нужде воровать?» – задается вопросом о. Пьер Аррагон и отвечает: «Да, позволительно воровать и тайно и явно, но только за неимением иных средств помочь своей нужде. При том здесь нет ни насилия, ни похищения, потому что по естественному праву все принадлежит всем и кроме того, каждый обязан поддерживать свое существование». Разрешает воровство и о. Бенедикт Штатлер: «Если по болезни или неимению работы человек не в состоянии удовлетворить своим насущным потребностям трудом, то он вправе тайной или открытой силой брать у богатого излишек». Антонио де-Эскобар к этому прибавляет: «Если ты видишь человека, который собирается обворовать бедняка, то удержи его и укажи ему на какого-либо богача,

чтобы он обокрал его вместо бедняка».

Иезуиты оказались прекрасными теоретиками лжи и клятвопреступления. Об этом они написали немало страниц. Приведем некоторые мнения. «Позволительно, – говорит Х. де-Карденс, – давать клятву в важных и неважных делах с намерением не сдержать ее, если есть достаточное основание на это». Иногда позволительно говорить двумысленно и обманывать судей, пишет о. Кастропалос, если есть уважительное основание скрыть истину. Например, чтобы не быть казненным за убийство, необходимо притворство, и оно вполне позволительно в подобном случае и не составляет ни малейшего греха. В таких обстоятельствах дозвоительно даже дать двусмысленную клятву, потому что первый долг человека, который выше всего – заботиться о сохранении своей жизни всеми зависящими от него средствами. В этом отношении со мною согласны ученейшие наши богословы, так что я могу сослаться на сочинения Наварры Толетта, Суареса, Валенсии и Лесия. «Будучи допрашиваем о каком-нибудь совершенном тобою поступке, – поучает Бонацин, – не вменяй себе в обязанность сознаваться, пока можешь приискать правдоподобные уловки. Если при судебном допросе ты видишь, что из сознания проступка произойдет для тебя большой и важный вред, смело отрицай, говоря, что не делал, но выражайся так, чтобы впоследствии иметь возможность истолковать свои слова, как угодно. Если тебя будут спрашивать о сообщниках, то и тут молчи и отве-

чай неправду, а всего лучше говорить так, чтобы истинный смысл ответа был непонятен». А вот остроумное рассуждение о взятке, о. Таберна: «Спрашивают, обязан ли судья возвратить взятку, поднесенную ему одной из сторон за решение дела в ее пользу? Отвечаю: он обязан возвратить взятку, если дело, за которое она дана, правое; но если дело, за которое ему дали деньги или ценную вещь, несправедливо, то он вправе удержать взятку, потому что заслужил ее».

Но особенно много изобретательности проявили иезуиты в создании теории самозащиты. С точки зрения иезуитских богословов всякий вправе мстить обидчику не только судебным путем, но и клеветой, позорением его чести и марианьем его доброго имени; «Оклеветав его, – говорит о. Тамбурино, – можно быть уверенным, что найдется множество людей, которые будут клясться, что клевета справедлива, потому что люди вообще от природы злы и любят зло, так что обидчик, наконец, совершенно лишится чести и всякий будет указывать на него пальцами». Не менее откровенен о. Штатлер: «Будучи кем-либо опозорен, человек имеет полное право лишить обидчика той репутации, благодаря которой он находит доверие к своим клеветам; для этого можно обнаружить и обличить какой-либо тайный проступок его или преступление. Можно даже выдумать об обидчике какую-нибудь клевету, если нет другого средства справиться с ним и лишить его клевету доверия». Некоторые из иезуитов приходили даже к мысли, что клеветника мож-

но убить. Так, профессор парижской коллегии, о. Герро поучал своих учеников: «Будучи оклеветан перед государем, судом, или другим влиятельным лицом, и не имея возможности восстановить свою репутацию иначе, как убийством клеветника, я вправе убить его. Я вправе даже сделать это и в том случае, если поступок, в котором он обвиняет меня, действительно совершен мною, но так тайно, что судебному следствию трудно открыть его». Ту же мысль о законности и дозволенности убийства еще более полно развивают Экскобар и Бузенбаум. Первый в своем «нравственном богословии» утверждает, что «человека можно убить, если того требует общее благо или личная безопасность». А второй, развивая эту мысль, учил: «Для защиты своей жизни, здоровья или чести даже сыну позволительно убить отца, монаху – аббата и подданному – государя». Мы увидим, что эта мысль не осталась только теоретическим положением, а была воплощена в жизнь, так как иезуиты принимали деятельное участие и были вдохновителями ряда царубийств. Если Экскобар оправдывал убийство идеей общественного блага, то иезуит Генрикес проповедывал убийство, не прикрываясь никакими общественными идеями. Так, он учил своих последователей: «Если духовное лицо, имея связь с замужней женщиной и будучи пойман мужем, убьет его, защищая свою честь и жизнь, то не только останется прав, но и не лишится возможности отправлять церковные требы».

Таков тот мир нравственных идей, которые иезуиты в про-

цессе борьбы выработали себе и которые они применяли на практике. Податливость их нравственной философии позволяла им слепо идти там, где их противники с брезгливостью останавливались.

V. Иезуиты за работой

Для того, чтобы доставить торжество своим идеям, иезуиты вели работу во всех слоях населения, приспособляясь ко вкусам и потребностям тех, среди кого им приходилось действовать. Они были демократами, когда приходилось действовать среди простого народа, и наоборот, высокомерно говорили о том же народе в аристократических салонах. Вели себя как строгие пуритане среди людей, известных строгой нравственностью, и были не прочь поболтать на скабрезные темы с каким-нибудь сластолюбцем. Впрочем, простой народ их привлекал мало. Они были даже убежденными противниками более или менее широкого народного образования. В уставе ордена взгляд на образование народа сформулирован следующим образом:

«Не желательно, чтобы простонародцы и прислуга умели читать и писать; тех же из них, которые уже обучены грамоте, не следует учить ничему большему; обучением простолюдья и прислуги не следует заниматься без согласия генерала, потому что низшие классы должны только в простоте душевной и с полным смирением служить Господу Нашему, Иисусу Христу». Зато высшие классы пользовались их особым вниманием. Они стремились войти в доверие к людям, занимающим высокое положение, стать их духовниками, воспитателями юношества.

В особенности иезуиты стремились взять в свои руки воспитание и образование молодого поколения, совершенно справедливо полагая, что это будущие граждане, и от них будет зависеть успех проповеди. В этих видах иезуиты создали множество школ, приспособленных ко вкусам богатых людей, в которых старались внушить молодому поколению преданность папе и иезуитам. Педагогическая деятельность иезуитов имела быстрый успех. В 1600 году они имели 200 школ, в 1710 году уже 612 школ, 137 пансионеров и множество университетов.

Проявляя самую неутомимую деятельность, орден скоро покрыл всю Европу своими учреждениями. Через 17 лет после своего основания орден завоевал 12 провинций, в которых открыл 100 различных учреждений с 1000 членами. Через 70 лет после основания он уже распространил свою деятельность на 32 провинции, в которых имел 23 общежития для исповедников, 372 коллегии, 41 дом послушания и 123 различных общежитий, а число членов возросло до 13112 человек. В 1626 году орден уже господствовал над 39 провинциями и имел 15493 члена, 803 дома послушания, 467 коллегий, 63 миссии, 165 общежитий и 136 семинарий. В 1749 году общество иезуитов достигло высшего своего развития. В 39 провинциях оно имело 22589 членов, из коих 11293 принадлежали к духовному званию, 24 дома исповедников, 669 коллегий, 273 миссии, 176 семинарий, 61 новициат и 335 других учреждений. В 1710 году иезуиты ру-

ководили преподаванием философии и богословия в 80 университетах.

Развив такую деятельность и сосредоточив в своих руках громадные богатства, орден Иисуса естественно должен был играть громадную роль в жизни различных стран. Расширяя свою деятельность, орден стремился подчинить своему влиянию все стороны жизни. С другой стороны, всему тому, что не подчинялось этому влиянию, а, тем более, боролось, объявлялась война не на жизнь, а на смерть. Эта борьба за влияние привела иезуитов к целому ряду ими вдохновенных и организованных царубийста Как и всегда для оправдывания своих заговоров, иезуиты создали целую теорию. Относясь пренебрежительно к народу, они тем не менее, когда это было выгодно, проповедывали самый крайний демократизм. Вот несколько образчиков этих рассуждений, «Всякий подданный имеет право убить государя, который овладел престолом хищнически, и история показывает, что у всех наций убийцам подобных тиранов воздавались величайшие почести. Но можно убить не только узурпатора, но и законного государя, если он обременяет подданных несправедливыми налогами, продает правосудие и тиранически действуй только в видах личной выгоды». А вот как об этом рассуждает другой иезуит, итальянец Комитоло: «Дозволительно убить всякого, кто несправедливо обижает, будь то генерал, принц или король. Своя жизнь дороже чужой, а правитель, обижающий своих подданных, подобен

дикому хищному зверю, которого надо истребить».

Имануель Са подходит к делу ближе и создает прямо теорию, оправдывающую иезуитов в их деятельности. Он говорит: «Восстание духовного лица против государя той страны, где он живет, не составляет государственного преступления, потому что духовное лицо не может быть подданным никакого государя. Справедливо также, что народ может убить незаконного государя; убить же тирана считается заслугой».

Создав теорию, оправдывающую цареубийства, иезуитам оставалось только осуществить ее на практике. Одной из первых жертв чуть не стал германский император Леопольд I. Он наследовал отцу своему, императору Фердинанду III в 1657 году в Австрии, Венгрии и Богемии, а в следующем году взошел на престол римской империи. Леопольд был воспитанник иезуитов, Мюллера и Нейдгарда. Эти отцы внушили императору такую преданность иезуитскому ордену, что он считал орден непогрешимее Бога. Он даже сам вступил в него в качестве светского члена. Но слепая преданность ордену не предоохранила его от покушений на его жизнь братьями по ордену. Почувствовавши силу, иезуиты захотели использовать свое влияние, чтобы окончательно задавить протестантизм. С этой целью иезуиты потребовали, чтобы Леопольд в Венгрии нарушил религиозную свободу и силою заставил многомиллионную массу протестантов обратиться в католиков. Леопольд прекрасно понимал, что исполнить желание иезуитов, – это значит в стране вызвать вос-

стание, и к своему сожалению, должен был отказать в просьбе друзей.

Увидев, что их попытка не увенчалась успехом, «друзья» решили отделаться от Леопольда. Они полагали, что после смерти императора наследником будет малолетний сын его, а регентшей жена, всецело преданная иезуитам.

В апреле 1670 года из Варшавы через Моравию и Венгрию в Константинополь ехал миланский дворянин, Иосиф Барро. Это был очень искусный врач, прекрасный химик, человек свободных религиозных воззрений, за что и подвергся гонениям инквизиции. Инквизиция давно уже добивалась его ареста. Лишь только Барро переехал силезскую границу, как по требованию папского пунция, он был арестован и отправлен в Вену. Дорогой он узнал от сопровождавшего его ротмистра Скотти, что император вот уже несколько месяцев болен какою-то странною болезнью и никакие лекарства ему не помогают.

Барро подробно расспросил ротмистра о болезни Леопольда и высказал уверенность, что император отравлен.

– Если бы меня допустили во дворец, я бы, наверное, его вылечил, – прибавил он.

Ротмистр Скотти, приехав в столицу и сдав арестанта, отправился во дворец и испросил аудиенцию у императора.

– Ваше величество, – сказал он императору, оставшись с ним с глазу на глаз, – я привез с собою известного врача Барро. Дорогой, узнав от меня о болезни вашего величе-

ства, Барро выразил уверенность, что вы отравлены и сказал, что берется вас вылечить.

Император очень взволновался, потом, подумавши, велел привести врача. Сделано это было тайно, так как Леопольд боялся вызвать неудовольствие иезуитов. Он даже прежде, чем решиться, долго раздумывал, можно ли ему, католику, беседовать с еретиком.

Барро нашел Леопольда исхудавшим, страдающим часто повторяющимися судорогами. Император часто испытывал страшную жажду. Для Барро не было сомнения, что император отравлен.

– Но как? – на этот вопрос он долго не мог дать себе ответа.

Разговаривая с императором, он обратил внимание на странное пламя свеч, горевших на столе около постели. Пламя было какого-то красного цвета и распространяло белое испарение. Посмотревши наверх, Барро заметил, что на потолке от пламени свеч образовался целый слой какого-то вещества.

– Ваше величество, – сказал императору Барро, – не обратили вы до сих пор внимание на странное пламя свеч, которые у вас горят? Не кажется ли вам, что пламя их слишком красно?

– Да, действительно, ты прав, – сказал Леопольд, – цвет необычен. Но я как-то не обратил на них внимания.

– В них отравка!

Император велел принести свечи из покоев императрицы. Те горели обыкновенным пламенем.

Сделав такое неожиданное открытие, Леопольд велел принести весь запас свеч, которых было около 30 фунтов. Столько же было сожжено, так как с февраля для покоев императора употреблялись только эти свечи. Свечи были исследованы. Оказалось, что на каждой из них по золотому венчику, для того, очевидно, чтобы не смешать их с другими. Когда стали исследовать, то оказалось, что светильники пропитаны мышьяковым раствором. Всего в свечах оказалось около трех фунтов мышьяка. Для того, чтобы определить силу яда, одну светильню изрезали, смешали с мясом и дали собаке. Собака быстро околела. Было ясно, что еще немного и Леопольд погиб бы.

Леопольд немедленно перешел спать в другую комнату, и Барро в несколько месяцев его вылечил. Вместе с тем, император начал энергичное следствие. Было приказано арестовать поставщика свеч и отправить его в крепость. Но какого же было удивление Леопольда, когда поставщиком оказался отец-прокуратор венских иезуитов. Стало, очевидно, что это покушение на жизнь Леопольда – дело рук его коварных «друзей».

Иезуиты, однако, нисколько не смутились тем, что план их раскрылся. На другой же день высшие их представители отправились во дворец и в самых напыщенных выражениях поздравляли императора со спасением. Не было предела их

возмущению гнусностью отца-прокуратора.

– Он должен быть строго наказан, – заявили они, – с этой целью мы немедленно отправили его к генералу, который произведет над ним строгую расправу.

Леопольд прекрасно понимал двоедушие иезуитов. Он знал, что отец-прокуратор не мог решиться на такое дело без согласия и ведома других. Он даже не спросил, к какому наказанию виновный будет приговорен. Он еще более испугался своих «друзей» и более уже не смел противоречить иезуитам. Скоро он отменил религиозную свободу в Венгрии, чем вызвал народные волнения.

Особенно энергичную борьбу вели иезуиты в Англии.

Король Генрих VIII хотя и боролся против католицизма, но не уничтожил его окончательно. После его смерти в царствование дочери его, Марии, прозванной «кровожадной», католицизм вновь стал занимать господствующее положение и начались гонения на протестантов. Иезуиты стали уже чувствовать твердую почву под ногами. Положение резко изменилось, когда престол заняла преемница Марии, ее побочная сестра Елизавета, дочь Анны Болейн. Елизавета, в сущности, мало интересовалась вопросами религии, и к иезуитам она относилась безразлично. Орден Иисуса мог бы, пожалуй, спокойно работать, не встречая препятствий. Но иезуитам простого нейтралитета было мало: они хотели на престоле видеть человека, всецело преданного делу католической церкви и энергичного борца против всяких еретиче-

ских новшеств. Начинались недоразумения, скоро вылившиеся в открытую борьбу. Начал папа Павел IV. В своей булле он объявил, что брак Генриха VIII с Анной Болейн не был законным браком, а потому Елизавета не имеет права на престол. Кроме того, Англия является леном папы, а потому без разрешения Римской курии никто не может занять английский престол. Естественно, что Елизавета должна была враждебно относиться к такого рода притязаниям папы, и это не могло не отразиться на положении иезуитов. Тогда решили освободиться от Елизаветы: это было в 1581 году. Центром заговора были иезуитские школы в Реймсе и Дуэ. Узнавши об этом, Елизавета послала туда шпионов, в том числе Эллиота, Крадока, Следа, Мунди и Гилля. Эти шпионы под видом ревностных католиков проникли в иезуитские школы и вывели, что несколько времени тому назад трое иезуитов, Александр Брайант, Эдмунд Кампиан и Рудольф Северин уехали в Англию с целью убийства королевы. Там их ожидают пятьдесят человек заговорщиков, готовых при первом удобном случае выполнить задуманный план. Если заговор удастся, то было решено на престол возвести Марию Шотландскую, убежденную католичку. Лишь только трое заговорщиков появились в Англии, как они были немедленно арестованы. Произведенное расследование подтвердило донос шпионов, и все три иезуита были казнены.

Однако эта казнь заговорщиков несколько не сломила энергии иезуитов: они организовали еще несколько загово-

ров. Из них наиболее интересен тот, благодаря которому была казнена соперница Елизаветы, Мария Стюарт. В 1586 году во Франции появился молодой человек хорошей фамилии – Антони Бабингтон, родом из Дотика, в графстве Дербши. Как ревностный католик для окончания своего воспитания он поступил в Реймскую коллегию, – организованную иезуитами. Живя среди иезуитов, он скоро вполне попал под их влияние. В особенности сильное впечатление произвел на молодого человека о, Билляр. О. Билляр хорошо изучил страстную натуру юноши; он понял, что его деньгами не вовлечешь в заговор. Молодой душе нужна романтика, увлечение – и он прекрасно стал играть на этих струнах. Прежде всего он трогательно рассказал печальную судьбу Марии Стюарт и возбудил в юноше сочувствие к ней. А когда Бабингтон увидел портрет ее, то полюбил ее со всем пылом молодой страсти и, конечно, всеми силами своей души возненавидел Елизавету.

Когда эта ненависть получила достаточную силу, хитрый иезуит незаметно внушил юноше мысль, что его долг, как католика и рыцаря дамы сердца, убить Елизавету. Юноша поклялся исполнить этот замысел и с этими намерениями вернулся на Родину.

Но предоставленный самому себе, Бабингтон не решался на убийство. Тогда о. Билляр сам отправился в Англию в сопровождении Джона Севеджа. Эти заговорщики привлекли еще 9 человек. Все поклялись исполнить задуманное,

а о. Билляр обещал всем прощение грехов, если они убьют тиранку, не забыв упомянуть и о тех наградах, которые их ждут здесь, на земле.

Было решено осуществить свои планы 24 августа. Этот день был днем Варфоломеевской ночи, потому и выбрали его заговорщики. Однако совершенно неожиданно план был раскрыт, заговорщики арестованы, а потом и казнены. Елизавета воспользовалась тем, что в дело косвенно была замешана Мария Стюарт, было начато следствие, в результате которого был суд, и Мария Стюарт была казнена.

VI. Пороховой заговор

В особенности грандиозен заговор, устроенный иезуитами против жизни преемника Елизаветы, Якова I. Яков не был ненавистником католиков, он был человек бесхарактерный, а потому больше всего боялся всяких осложнений. Чтобы сломить недовольство католиков, он даровал им веротерпимость, объявил амнистию тем из них, которые были осуждены Елизаветой. Но относясь благожелательно к католикам, Яков в то же время запретил въезд в Англию иезуитам. Это он сделал не потому, что был их врагом, а потому, что боялся, что с их появлением начнутся смуты и недоразумения.

Тогда иезуиты задумали одним ударом не только лишить жизни короля, но и освободиться от его родственников и всех наиболее видных протестантов.

Задуманный план был грандиозен по своим размерам, а потому, конечно, для осуществления его пришлось положить немало труда. Прежде всего необходимо было найти людей. С целью организации заговора в Англию отправился сам провинциал Англии – Генри Гарнет с несколькими лучшими членами ордена. Каждый из них отправился своей дорогой под чужим именем. В Англии о. Гарнет прежде всего обратился к английскому католику, Роберту Кетесби, дворянину из очень хорошей фамилии. Он раскрыл ему план

своего приезда и склонил его на свою сторону. Осторожно присматриваясь к людям, иезуиты постепенно приобрели и еще несколько энергичных сторонников своего плана. Оставалось приступить к делу. Была темная ноябрьская ночь 1604 года. Все уже спали, только дом Кетеби жил какой-то особенной жизнью. Около него то и дело появлялись таинственные фигуры и неслышно скрывались в воротах. Это заговорщики собирались на совещание. Гостей встречал приветливый хозяин и отводил их в дальние комнаты. Когда собрались, то о. Джерар исповедал всех и причастил. Каждый должен был дать такую клятву: «Именем Св. Троицы и принимаемого причастия клянусь, ни прямо, ни косвенно, ни словом, ни делом ничего никому не выдавать о том, что знаю и что узнаю; клянусь, без согласия моих соучастников не отступаться от нашего предприятия; клянусь, жертвовать жизнью и членами моего тела за нашу единоспасающую веру и за все, за что прикажут ее священники».

После присяги Кетеби изложил свой план.

– Убить короля, – начал он, – очень легко и есть множество верных средств сделать это. Но это ни к чему не поведет, потому что и принц Уэльский, и герцог Йорский, и жена его и дочь останутся в живых и наследуют ему. Наконец, если бы даже удалось перебить всех их, то останется парламент, останутся могущественные пэры и представители, в которых протестантизм найдет себе достаточную опору и без королевской фамилии. Стало быть, нечего и рассчиты-

вать на верный успех, если мы не сумеем одним ударом истребить их всех. Этой цели мы можем достигнуть, подведя под здание парламента подкоп, и положить туда пороха. Когда король, по обыкновению, в сопровождении всего семейства будет открывать парламент, мы подожжем порох и погребем в развалинах дворца короля, весь королевский дом и весь парламент!..

Сначала грандиозность замысла ошеломила всех. Но потом согласились, что это наиболее верный путь для достижения поставленной цели. Томас Винтер пришел в смущение и нерешительно возразил:

– В числе лордов и представителей, – сказал он, – есть и католики; особенно же много их будет между зрителями, которые обыкновенно стекаются на открытие парламента; стало быть, нам придется погубить много верующих, погубить их, не дав им покаяться. Можно ли брать на себя такой грех?

Но эти сомнения тотчас развеял о. провинциал Генри Гарнет, наиболее почитаемый из всех иезуитов.

– В осажденной крепости, – заявил он, – есть всегда какие-нибудь единоверцы или соотечественники осаждающих; тем не менее, осаждающие стреляют в город, хотя бы от этого потерпели их союзники. Следовательно, план Кетсби надо принять потому, что при взрыве парламента еретиков погибнет несравненно больше, чем верующих.

После такого авторитетного разъяснения всякие сомне-

ния были рассеяны и единогласно решили план, предложенный Кетсби, осуществить. После этого заговорщики помолились Богу, а Гарнет благословил их, предав проклятию в следующих словах:

– Боже, истреби эту неверную нацию, сотри ее с лица земли, дабы мы могли с радостным сердцем воздать должную хвалу Господу Нашему, Иисусу Христу!

Скоро Кетсби нашел очень подходящий для выполнения заговора домик. Правда, он был ветхий и давно продавался, не находя покупателя, но зато он был рядом с Вестминстерским дворцом, около него был садик, и вести подкоп под парламент из него было очень удобно. Когда дом был куплен, то в него незаметно переселились заговорщики. Никто не знал, что в нем живет так много народа. Ибо соседи видели только Томаса Кетсби, который на свое имя купил дом, да его слугу Бетси, остальные же скрывались и не показывались на улицу. С 10 на 11 декабря начали работать; всего за работой было двенадцать человек; работали день и ночь, сменяя друг друга. Приходилось торопиться, ибо открытие парламента было назначено на 7-ое февраля 1655 года. Работа шла успешно, но скоро заговорщики встретили большое затруднение для продолжения работы: вырытый подкоп уперся в толстый фундамент дворца, разобрать который было очень трудно. К их счастью открытие парламента было отложено, таким образом, заговорщики получили возможность окончить начатую работу. К марту месяцу они почти

прорыли стену, как вдруг случилось происшествие, которое значительно облегчило работу. Когда заговорщики уже почти разобрали фундамент, вдруг по ту сторону стены раздались голоса. Сначала думали, что заговор открыт. Все почти бросились бежать из подкопа; остался только один Гай Фокс, который оказался смелее других. Он проделал в стене отверстие и получил возможность разглядеть тех, кто разговаривал за стеной. Оказалось, что под дворцом был подвал, который снимал торговец дровами и углем. Сам владелец подвала умер и наследники, не желая пользоваться подвалом, очищали его. Это неожиданное открытие не только успокоило заговорщиков, но даже открыло перед ними новые перспективы. Стоило только заарендовать подвал и заговорщики могли быть обеспечены, что заговор удался. Перси немедленно снял подвал и скупил уголь и дрова. Оставалось только наполнить подвал порохом, что они и сделали, привезя туда 36 бочек. Бочки были искусно прикрыты углем и дровами и, таким образом, скрыты от посторонних глаз.

Открытие парламента было назначено на 5 ноября 1655 года. В этот день «незримая рука» должна была наказать нечестивых. Во дворце совершались обычные приготовления и никто не подозревал, что должно свершиться нечто ужасное, что унесет много жизней.

Вечером, 28 октября, один из членов парламента лорд Моунтигль получил письмо, без подписи, написанное измененным почерком, изобличавшим, что автор его хотел

скрыть свое имя. Содержание письма было такое. «Дружба, которую я питаю к вам, – писал автор, – и некоторым вашим друзьям, обязывает меня спасти Вас. Если вы дорожите жизнью, то найдете предлог не присутствовать при открытии парламента, ибо Бог и люди решили наказать безбожие нынешнего века. Прошу Вас, уважить этот совет и как можно скорее уехать в деревню. Страшный удар поразит парламент и незрима будет рука, которая нанесет его. Он придет и минует также быстро, как сгорит это письмо, которое прошу вас сжечь. Надеюсь, что Бог вразумит вас воспользоваться этим письмом».

Странное письмо смутило лорда. Для него было ясно, что замышляется какой-то заговор.

– Но что же делать?

Скрыть письмо и уехать в деревню, как советует его автор – это значит рисковать жизнью. Заговор может быть раскрыт, узнают о письме и тогда не избежать наказания!

После некоторого раздумья Моунтигль решил сообщить о нем министру графу Салисбери.

– Странное письмо, – ответил граф, – я в нем ничего не понимаю. Это наверное мистификация, попугать Вас.

Однако он все-таки решил показать письмо королю.

Король Яков был большой трус и отнесся к письму иначе, чем его министр. Он испугался.

– Но что значит это письмо?

Король долго вчитывался в написанное, вдумываясь

в каждое слово, и его мысль остановилась на словах: «Готовится страшный удар, направленный незримою рукою», «опасность от него минует так же быстро, как сгорит письмо». Он решил, что готовят взрыв. О своих подозрениях он сказал Салисбери. Было решено осмотреть все подвалы Вестминстерского дворца и соседние погреба. А для того, чтобы заговорщиков поймать на месте преступления, было решено произвести обыск накануне открытия парламента. В ночь с 4-го на 5-е число лорд-камергер граф Соффольк с отрядом гвардии под начальством смотрителя дворца Виньярда отправились в подземелья. Граф осмотрел их и не нашел ничего подозрительного. В одном подвале он застал человека, который складывал дрова.

На вопрос: – «Кто он такой?» – Незнакомец ответил, что зовут его Джонсоном: служит он у сэра Томаса Перси, который приказал ему уложить закупленные дрова.

Граф решил, что это в порядке вещей и доложил королю, что он осмотрел все и не нашел ничего подозрительного. Однако его рассказ о человеке, складывавшем дрова, некоторым из министров показался странным. Король велел произвести вторичный обыск и для этой цели командировал мирового судью Невета.

Когда судья с отрядом стражи спустился в подвал, то там он нашел опять того же человека. Вид его был довольно странным: он был одет в ботфорты, как будто собирался в дорогу, в руках был потайной фонарь. После обыска у него нашли

револьвер, кусок трута и три фитиля. Когда его схватили, то он оказал сопротивление. Судья Невет приказал немедленно произвести тщательный обыск во всем подвале. Скоро нашли 36 бочек, наполненных порохом, и все приспособления для взрыва. Тогда стало ясно значение письма, полученного лордом Моунтиглем.

На допросе Джонсон признался, что зовут его Раем Фоксом и что он намеревался взорвать дворец. Но упорно не хотел выдать сообщников. И только когда последние были уже, по его мнению, далеко, назвал некоторые имена.

Мы не будем приводить других рассказов о покушениях иезуитов, сказанного думаем, достаточно, чтобы составить себе представление об их деятельности.

VII. Уничтожение ордена и новое его воскресение

Энергичная деятельность иезуитов, их вмешательство в государственные дела, развращение юношества и последовательное противодействие всем новым идеям должны были породить глубокое недовольство в обществе. И вот мы видим, как в различных странах начинают раздаваться голоса, требующие изгнания иезуитов.

Скоро иезуиты были, действительно, изгнаны из Португалии, Испании и Франции.

Но со вступлением на папский престол Климента XIV, святых отцов ждали еще большие огорчения. В 1769 году умер скоропостижно от разрыва сердца папа Климент XIII, бывший убежденным защитником ордена. Необходимо было употребить все усилия к тому, чтобы заместителем Климента XIII был не менее убежденный сторонник ордена.

На открывшемся 15-го февраля конклаве большинство оказалось на стороне иезуитского кандидата кардинала Киджи. Но иезуитам не пришлось торжествовать. Короли неаполитанский и французский решили принять самые крайние меры к тому, чтобы добиться, чтобы на папском престоле не было сторонников иезуитов. С этой целью они поручили кардиналам Орсини и де-Берни объявить конклаву, что если

они не дождутся кардиналов Неаполя, Парижа и Лисабона и выберут папу без них, то выбранного они будут считать не папой, а просто римским епископом.

Противниками иезуитов кандидатом на папский престол был выдвинут Ганганелли. В сущности, это был ничтожный, но честолюбивый человек, но он дал королям письменное обязательство уничтожить орден иезуитов, а потому получил их поддержку. 18-го мая Ганганелли был избран папой. Он принял имя своего предшественника и стал править римской церковью под именем Климента XIV.

Но легко дать обещание, но не легко его исполнить. Это новый папа почувствовал тотчас, как только вступил на престол. Вступить в открытую борьбу с орденом, который в целях самозащиты пойдет на все, вплоть до убийства, решится не каждый. А Климент XIV к тому же не обладал смелостью. К удивлению покровительствовавших ему королей, он не только не думал об уничтожении ордена, но даже оказывал ему покровительство. Тогда короли напомнили Клименту XIV его письменное обещание и пригрозили опубликовать его. Положение нового папы оказалось безвыходным. Уничтожить орден – значит рисковать собственной жизнью, обмануть королей и не исполнить обещание – значит лишиться престола и вызвать к тому же скандал, ибо по правилам католической церкви заключать какие-либо условия для получения папского престола считалось тяжелым грехом. Совершивший такой грех, лишается папского престо-

да, и сами выборы его считаются ничтожными. Четыре года Климент оттягивал исполнение обещания. Он даже предлагал королям произвести реформы в ордене, только бы сохранить его. Наконец, когда короли остались неумолимыми, он просил указать хоть причины, почему бы он мог уничтожить «такой знаменитый орден, дабы оправдать себя, если не перед Богом, то перед людьми».

Но короли категорически потребовали уничтожения ордена, и Клименту пришлось подчиниться.

Была собрана комиссия из кардиналов для расследования деятельности ордена иезуитов, которая составила буллу об его уничтожении.

Когда папе предложили подписать буллу, он пришел в страшное волнение.

– Этот акт – предвестник моего смертного часа! – Сказал он, подписывая буллу дрожащей рукой.

И он не ошибся...

Осуществляли буллу довольно решительно. В 8½ ч. вечера жители Рима были поражены необычайным зрелищем: корсиканская гвардия заняла все входы и все выходы иезуитских домов. Скоро показались отряды сбирров с папскими комиссарами. При каждом таком отряде было по прелату и по нотариусу. Буллу торжественно прочитывали во всех иезуитских домах, пересчитывали всех их обитателей. Собранным недоумевающим членам ордена объявлялось, что они должны или удалиться в какую-нибудь даль-

нюю обитель, или уйти в мир. На размышление давалось три дня сроку, причем любезно предлагалось пожизненное содержание и проезд.

Особенное внимание, конечно, было обращено на генерала Лоренцо Риччи. Думали, что у него найдут большие капиталы и драгоценности, поэтому сильный отряд корсиканцев занял прежде всего дворец генерала. Был произведен самый строгий обыск, но к удивлению ничего не нашли. Лоренцо Риччи держался с большим самообладанием. На все вопросы, где скрыты богатства ордена, он отвечал, что орден никаких богатств не имеет.

Риччи был арестован и, для удобства наблюдения за ним, отведен в английскую коллегию. В одно время с генералом были обысканы и арестованы ассистенты генерала. Их поместили в замок Ангела, куда скоро перевели и генерала.

Обыски производились очень тщательно, однако, денег не нашли, ибо все ценное заранее было увезено и размещено у богатых сторонников ордена.

Официально орден был закрыт. Но это было только официально. В действительности, он продолжал существовать. Да и нельзя было думать, что столь могущественная организация так легко уступит поле битвы. Началась упорная борьба, стоившая Клименту XIV жизни.

Вскоре после уничтожения ордена по городу стали ходить слухи, что Климент скоро должен погибнуть. Эти слухи были настолько упорны, что многие, действительно, стали ждать

несчастья. Было очевидно, что иезуиты к чему-то готовятся. Скоро случилось то, чего ждали со страхом. На страстной неделе в 1774 году папа вдруг почувствовал сильный озноб, начались судороги, в голосе хрипота. Сначала думали, что только обыкновенная простуда, но скоро появились зловещие признаки. Весь организм оказался поражен каким-то странным катаром: во рту и в горле появилась опухоль. Больной чувствовал страшный жар и тошноту, в беспокойстве метался на постели. Скоро началась рвота и страшная боль в нижней части живота. Живот распух. Из головы стали лезть волосы. Даже ногти расшатались и выпадали. Климент заживо стал разлагаться. Было ясно, что больной отравлен каким-то страшным ядом, но противоядия не помогали. 19-го сентября гангрена поразила низ живота и Климент впал в беспамятство. 22-го сентября 1774 года в 7½ час. утра Климента не стало. Когда 23 числа тело хотели бальзамировать, то оно оказалось настолько сгнившим, что пришлось похоронить не бальзамируя.

Так страшно отплатили иезуиты за попытку их уничтожить. Иезуиты поспешили воспользоваться смертью Климента и издали документ, по которому будто Климент отменил свою буллу. К этому документу было приложено предисловие, в котором иезуиты писали, что «как только папа подписал свою нечестивую буллу, его начали мучить угрызения совести, и он решился исправить зло, которое нанес всему христианству уничтожением общества Иисуса. Он ре-

шился торжественно и добровольно отменить свою буллу, дабы преемник его мог восстановить орден в прежнем виде. С этой целью он собственноручно написал и подписал этот документ и отдал его великому кардиналу Боски для передачи будущему папе. Он сделал это тайно, чтобы бурбонские государи опять не подняли шум. Покойный Боски исполнил его приказание и все сановники церкви получили копии этого документа. Но до нынешнего времени его приходилось скрывать и только теперь, спустя 18 лет со смерти Климента XIV, когда бурбонские правители совершенно изменились, имеется возможность издать его в свет».

Трагическая судьба Климента XIV заставила его преемника Пия VI изменить свое отношение к ордену иезуитов. Он не только прекратил всякие преследования против иезуитов, но стал даже назначать их на наиболее видные должности. Скоро папа стал действовать смелее и признал открытое существование ордена в пределах Малороссии и Литвы.

Скоро наступило благоприятное для иезуитов время, когда они могли вновь смело поднять голову. 1814 год был годом темной европейской реакции. Все темные силы старого порядка почувствовали, что настал на их улице праздник. Не замедлили, конечно, этим праздником воспользоваться и иезуиты. Как наиболее твердый оплот реакции против всяких либеральных идей, иезуитский орден стал желанным для всех реакционеров. В 1814 году 7-го августа орден был восстановлен во всех своих правах и вновь мог на-

чать в широких размерах свою деятельность. Иезуиты, конечно, немедленно использовали благоприятно сложившиеся обстоятельства и постарались восстановить свои организации. Правда, не везде им удалось вновь получить право свободной деятельности, но все же признание папы облегчало им борьбу.

За последние годы известны следующие генералы иезуитского ордена: Тарквини (1873 г.), Францелин (1876 г.), Марцелла (1886 г.), Мартэн (1892 г.).

Число членов ордена равнялось: в 1816 г. – 674 члена, в 1841 г. – 3563, в 1880 г. – 10521 и в 1889 г. уже 12306 членов.

Так иезуиты возродились вновь и до сих пор усердно служат делу реакции в борьбе против нарождающихся свободных новых форм жизни.

VIII. Иезуиты в России

Иезуиты прежде всего появились на юге и на западе. В 1569 году мы их видим в Вильне, где они открыли школу. Позднее в Ярославле (Галиция) у них появилась уже коллегия. Энергичные и ловкие, вместе с тем сравнительно с другими представителями католической церкви, ученые, они скоро приобрели большое влияние в польском обществе. Скоро они стали самыми энергичными борцами в деле борьбы католической церкви с православной в западных русских областях. Понимая, какую большую роль могут сыграть иезуиты в деле распространения католичества, им покровительствовал сам Баторий. Вслед за правительством и частные лица стали оказывать иезуитам содействие. Иезуиты строили храмы, устраивали школы, неустанно проповедывали. Скоро они заняли господствующее положение, в их руках было воспитание почти всего тогдашнего поколения, так как они считались лучшими воспитателями.

Попытки иезуитов перенести свою деятельность в Москву проявились очень рано. Первым иезуитом, появившимся в Москве был Антоний Поссевин. Он приехал в Москву по просьбе Ивана Грозного, который обратился к папе с предложением взять на себя посредничество в войне между ним и Баторием. Папа прислал Поссевина. Римского первосвященника всего менее, конечно, интересовал вопрос

о заключении мира между Русью и Польшей. Но в обращении Грозного он увидел отдаленную возможность привлечь к своему престолу и православную церковь. Для этой миссии нужен был энергичный, но хитрый и ловкий человек. Таким и был Поссевин. Попытка Поссевина склонить Грозного на сторону папы успехом не увенчалась.

– Папа – волк в овечьей шкуре! – был ответ на попытку Поссевина склонить Грозного на свою сторону. После этого Поссенину оставалось только уехать обратно. Не успев в своей главной миссии, он, конечно, не захотел выполнить и того, на что рассчитывал русский царь: он оказался плохим посредником и тотчас перешел на сторону Батория. При его посредстве русские потеряли всю Ливонию, тогда как сам Баторий склонялся оставить за русскими несколько городов.

Следующую попытку иезуиты сделали при появлении Лжедмитрия. Они, конечно, хорошо знали, что Лжедмитрий самозванец, но охотно поддерживали его, ибо его воцарение сулило им широкие перспективы. Приехав в Москву, они расположились, как дома. Но с падением Лжедмитрия кончилось и их торжество. Впрочем, они сначала попытались использовать для себя второго самозванца, Тушинского вора. С прекращением смуты на Руси, иезуиты должны были прекратить свои наезды на Русь.

Однако, в конце XVII века мы вновь видим их в Москве. Они прибыли под покровительством послов немецкого императора и замешались среди иностранцев, которых тогда

уже было много на русской службе. Скоро они заручились расположением кн. Василия Васильевича Голицина и стали действовать смелее. У них появился дом, купленный на имя купца итальянца Гуаскони. Там иезуиты устроили школу. Скоро их влияние стало заметно и патриарх, дабы вовремя присечь их влияние на молодое поколение настоял на издании указа об изгнании иезуитов. Этот указ был издан 2-го октября 1689 года. Для выезда из Москвы дано было только два дня срока, в течение которых они должны были ликвидировать свои дела и оставить столицу.

Однако в Москве остались у них заступники и лишь только немного обстоятельства изменились, изгнанники появились вновь. При Петре Великом их вновь образовалась целая колония. Этому особенно помог друг Петра, Патрик Гордон. Он был ревностный католик и, конечно, всей душой был предан иезуитам. Скоро на месте дома Гуаскони выросла иезуитская церковь и школа. Дела иезуитов пошли так хорошо, что скоро появилась Целая иезуитская слобода.

Иезуиты вели деятельную пропаганду и старались набирать сторонников.

Петр, конечно, знал о деятельности иезуитов и вряд ли ей сочувствовал, но он их не трогал, дабы не нарушать дружественных отношений с немецким императором, который им покровительствовал. Но такой нейтралитет мог продолжаться только до тех пор, пока эти отношения были дружественны. Скоро, однако, в отношениях, ввиду бегства царевича

Алексея, произошло охлаждение. Свое неудовольствие Петр прежде всего выместил на иезуитах. 18-го апреля 1719 года вышел указ о высылке за границу всех иезуитов, проживающих в Москве.

Вновь иезуиты появились только при Екатерине. Случилось это само собой. Екатерина получила от Польши Белоруссию. А так как там крепко утвердились иезуиты, то пришлось вместе с Белоруссией получить и иезуитов. Екатерина очень подозрительно относилась к этим новым подданным и предписала местным губернаторам составить подробный список всех иезуитских монастырей и школ. В своем приказе она писала: «Вы имеете учредить особенное наблюдение над иезуитами, как над коварнейшим из всех латинских орденов, так как у них подчиненные ничего предпринимать не могут без разрешения своих начальников». Однако скоро подозрительность и некоторое недоброжелательство Екатерины к иезуитам сменились милостью. Дело в том, что присоединение новых областей было насильственным, и понятно, что польское и литовское общество были настроены к русским враждебно. Иезуиты сумели использовать момент. Они первые заявили себя самыми преданными подданными новой императрицы. Свою преданность они демонстрировали как только могли. Екатерина оценила этот шаг иезуитов и с тех пор стала относиться к ним благосклонно. Эта благосклонность простиралась так далеко, что спасла иезуитов даже и от буллы Климента XIV, уничтожившего

орден.

Декрет папы закрывал все учреждения ордена и понятно, что он поверг в великое уныние русских иезуитов. Но во главе их стоял хитрый и находчивый Станислав Черневич, ректор полоцкой коллегии, он нашел выход. Были пущены в ход все пружины, использованы все связи. А так как среди приближенных к Екатерине лиц были влиятельные друзья ордена, то все кончилось для них благополучно. 23-го ноября 1773 года Черневич от лица всех белорусских иезуитов подал Екатерине прошение. В этом прошении хитрый иезуит говорил о преданности всех иезуитов папе, о готовности их подчиниться его воле и просил: «Ваше Величество, благоволив разрешить обнародование декрета об упразднении общества, проявите этим Вашу Царскую власть, а мы неукоснительным послушанием окажем себя одинаково покорными, как власти Вашего Величества, имеющей дозволить исполнение декрета, так и власти верховного первосвященника, требующей от нас исполнения».

Екатерина прекрасно понимала тайные желания иезуитов и, во всяком случае, была подготовлена к этому. Она не разрешила иезуитам подчиняться папе и не опубликовала буллу.

– Вы обязаны послушанием папе в деле догматов, а во всем остальном вашим государям. Я вижу, что вы совестливы! Впрочем, для успокоения вашего я спишусь с варшавским нунцием через моего поверенного.

Так иезуиты «были вынуждены» не подчиниться папе. Это только и было им нужно. Напрасно варшавский нунций протестовал против такого нарушения папского декрета и требовал от иезуитов беспрекословного повиновения папе, иезуиты не обращали на его требования внимания и продолжали свою деятельность.

Но в особенности хорошо себя почувствовали иезуиты с восшествием на престол Павла. Павел скоро подпал под сильное влияние верховного настоятеля иезуитов Гавриила Грубера. Грубер приехал из Вены в Петербург под тем предлогом, что он хочет представить академии наук свои изобретения по части механики. Но в действительности не в механике тут было дело. Грубер по приезде в Петербург немедленно постарался завести связи с высшим обществом. И так как он был человек образованный и умный, то скоро обратил на себя внимание. О Грубере стали говорить, его стали везде приглашать. Скоро молва дошла до императора Павла, и он пригласил его к себе. Павел был в восторге от Грубера и захотел немедленно сделать его кавалером. Иезуит смиренно отклонил от себя эту честь и сказал Павлу:

– Ваше Величество, с прискорбием я должен отклонить от себя эту честь. Устав нашего ордена предписывает нам посвящать себя службе государя и их подданным единственно для большей славы Божией – *ad maiorem Dei gloriam*.

Императору очень понравилась речь Грубера и он велел

ему приходиться во всякое время без доклада. Грубер не замедлил воспользоваться предложением. В результате влияния Грубера в 1800 году Павел обратился к папе с просьбой о восстановлении в правах иезуитского ордена. Затем посыпался целый ряд указов в пользу иезуитов. Первый о том, чтобы в католической церкви св. Петра в Петербурге богослужение отправляемо было только иезуитами. Вторым передавалась иезуитам в полное их распоряжение церковь св. Екатерины со всеми принадлежащими ей домами и доходами. Третий разрешал иезуитскому новинциату в Полоцке умножать богоугодные его заведения и возвращал ордену по мере открытия этих заведений отобранные у него польским правительством имения, четвертый создавал для ордена независимое положение от католических властей.

Против владычества иезуитов выступил престарелый католический митрополит Сестринцевич. Правда, в открытую борьбу вступить он не решался, но иезуиты хорошо знали, что он против них. Надо было Сестринцевича убрать с дороги. Выступить открыто против него Грубер тоже не решился. Тогда он пошел закулисными путями. Через своих сторонников Грубер беспрестанно стал надоедать Павлу жалобами на Сестринцевича. Недоумевая, почему так недовольны Сестринцевичем, Павел захотел узнать об этом у Грубера. Тот воспользовался случаем и разукрасил Сестринцевича так, что тот высочайшим приказом был лишен Мальтийского ордена и ему было воспрещено являться ко двору.

Но старого митрополита ждали еще большие унижения. Через несколько дней вечером, часов в 11, к Сестринцевичу явился полицейский чиновник и передал высочайшее повеление немедленно встать с постели и очистить занимаемое Сестринцевичем помещение для отца Грубера. В ту же ночь к трем часам это было исполнено.

Сестринцевич не мог понять, почему такая немилость стряслась над его головой. Когда он обратился с вопросом по этому поводу к графу Палену, то тот ответил:

– Право, я ничего не знаю!

А потом добавил:

– А в каких отношениях вы с отцом Грубером?

Для Сестринцевича стало ясно, что причина его несчастья Грубер.

Но на этом Грубер не остановился. Он захотел окончательно уничтожить своего противника. Скоро представился случай.

Грубер, пользуясь данным ему правом, как-то явился к Павлу.

– Что нового, о чем говорят в городе? – спросил император.

– Забавляются указом Вашего Величества в нашу пользу! – ответил иезуит.

Павел вскочил, как ужаленный.

– Кто смеет?! – визгливо крикнул он.

Услужливый Грубер подсунул ему лист бумаги, на кото-

ром было написано 27 имен. В числе их и имя Сестринцевича.

Этим доносом участь Сестринцевича была решена. 14 ноября 1800 года Сестринцевич был уволен и сослан на жительство под надзор полиции в свое имение. Другие лица, перечисленные в бумаге, подверглись также частью высылке, частью аресту.

– Эти негодяи никогда не вернуться! – воскликнул в радости Грубер, когда узнал о результатах доноса.

На место опального Сестринцевича был назначен его кондьютор Бениславский, человек бездарный, но преданный иезуитам. Теперь все управление латышской церковью сосредоточилось в руках иезуитов. Под покровительством Павла они могли развить широкую деятельность.

Влияние иезуитов на Павла было так велико, что он сам стал хлопотать перед папой о восстановлении ордена иезуитов в России. Папа удовлетворил просьбу императора, но булла о восстановлении ордена была получена уже после его смерти.

Вступивший на престол Александр I не был поклонником иезуитов, но все же опубликовал буллу. Однако, при этом иезуитам было предписано воздерживаться от католической пропаганды. После этого в 1802 году Грубер был избран в генералы; после его смерти генералом стал Березовский. Во время его управления деятельность иезуитов сильно расширилась. Появились миссии в Саратове, Астрахани, Риге,

на юге России, в Москве и даже Сибири. Число членов ордена дошло до 349.

Запрещение заниматься католической пропагандой, конечно, не было выполнено иезуитами. Эту пропаганду они вели усиленно в высшем обществе, вербуя себе последователей. Скоро оказались совращенными в католичество кн. Одоевский, А. Ф. Голицин, княгиня Голицина, гр. Ростопчина, Екатерина Толстая и ряд других лиц. Пропаганда эта велась, конечно, тайно, ибо иезуиты хорошо понимали грозящую ответственность. О том, как велась эта пропаганда, свидетельствует письмо аббата Сюрюга. «Зная край, — пишет он, — я из предосторожности не возбуждаю рвения, а только направляю его и в результате всегда оказывалось, что руководимые таким образом сами собою приходили к желанному концу. В сношениях моих с потаенною моею паствою затрудняет меня более всего не исповедь, а приобщение. Исповедать я могу во время гуляния, в гостинной, на людях, не возбуждая ни малейшего подозрения, но приобщая, я подвергаюсь гораздо большей опасности. Поэтому я просил бы вас сообщить мне ваше мнение об одном моем изобретении: я придумал устроить серебрянный ларчик, в котором бы можно было укладывать святые дары (следует подробное описание его устройства и наставление, как приносить его накануне в комнату причастника, для того, чтобы он мог на другой день поутру, после обычной молитвы приобщиться наедине). Таким образом, — заканчивает аббат, —

устранились бы все неудобства тайного причащения». Скоро, однако, эта тайная пропаганда была обнаружена. Случилось это благодаря гр. Растопчиной. «Несмотря на строгий мой запрет, – пишет тот же аббат Сюрюга, – и несмотря на все мои увещевания, она поведала тайну своему мужу... Этот необдуманый поступок срезал меня с ног». С этого времени начались на иезуитов гонения. Указом от 20 декабря 1815 года иезуиты были высланы из Петербурга, и им было вообще запрещено жить в столицах. А 13-го марта 1820 года по докладу министра духовных дел и просвещения кн. Голицина вышел указ о высылке их из России навсегда, имущество было конфисковано, а школы закрыты. Так печально кончилась деятельность иезуитов в России.

Почему иезуиты оказались столь желанными гостями в России, что император Павел стал даже хлопотать за них перед папой? Объяснение этому следует искать не в религиозных воззрениях иезуитов, а в той политической позиции, которую они заняли к этому времени. В конце XVIII века и в первой четверти XIX века вопросы о защите веры мало кого волновали, но появились другие факты, которые заставили над собой задуматься. Революционное движение, грозившее перевернуть весь сложившийся политический уклад жизни, заставил защитников абсолютной монархии искать друзей, на которых бы можно было опереться. Иезуиты поняли, что настало время для их деятельности и они выступили, как оплот реакции. Роль иезуитов в это время хоро-

шо определил граф Иосиф де-Местр следующими словами: «Иезуиты, – это сторожевые псы верховной власти; вы не хотите дать им воли грызть воров, тем хуже для вас; по крайней мере, не мешайте им лаять на них и будить вас». Правда, эти «псы» не обладали только собачьей верностью; они оберегали и защищали того, кто гладил их по шерсти, в противном случае, немедленно показывали клыки и кусали, как мы видели, чувствительно. Эта роль псов, защищающих реакцию, и заставляла покровительствовать им русских императоров.

Но, когда «псы» стали подкапываться под устои, на которых покоилась старая власть, псов беспощадно изгнали из России...